

НЕДАВНО услышала я выступление Виктора Розова. Коротенькое такое выступление драматурга, всю жизнь призывавшего верить в светлое-доброе-чистое. Розову задали вопрос о том, что ждет Россию. И он вдруг очень серьезно ответил: "Гибель".

После этого я долго думала о пресловутой ответственности писателя. О писательской, так сказать, свободе слова. Всю жизнь человек декларировал какие-то истины. Оповещал о наступлении "доброго часа". Ты ему верил. А потом у него случился кризис. Он больше не верит в то, что говорил. И как с этим быть?

Этот вопрос мы решили задать знаменитому писателю Даниилу ГРАНИНУ.

Даниил Гранин:

«Во что я верю»

Сила личности

- Даниил Александрович, вот вы всю жизнь писали книги, доказывавшие способность человека менять обстоятельства. Скажите, со временем вы изменили свою точку зрения по этому поводу?

- Наоборот. Чем больше я живу, тем больше верю в возможности человека. Особенно если у него есть какая-то вера, которая его воодушевляет. Тогда человек способен совершить много больше того, что ему самому кажется... Я много имел дел с изобретателями. Это мог быть очень слабый человек по природе, но, зная, что он изобрел, что-то значительное сделал, он обретал совершенно фантастические силы...

- Замечу, что, говоря все это, вы постоянно употребляете слова "имею веру"...

- Это правда... Знаете, я недавно шел по московскому проспекту и увидел надпись на брандмауэре: "Хочется иметь хоть какое-нибудь будущее"... Такая печальная надпись молодого, очевидно, человека на фоне всех остальных ругательств, лозунгов и прочей муры меня очень тронула. Я стал думать, что у нас многие люди просто не имеют будущего. Оно потерялось. Раньше оно было в виде каких-то иллюзорных планов. Так называемое светлое... Но во имя него люди многое терпели. Они в него верили. Человек копил деньги на квартиру или машину. И мечтал.. Называйте его как угодно - маленькое будущее, бытовое, но оно очень важно для человека... А сейчас у нас беспризорное будущее. Никто не представляет себе толком, будем ли дружить с Америкой, будем ли мы евразийской страной или какой-либо еще.

- И вопрос веры имеет здесь первостепенное значение...

- Конечно. Во время блокады Ленинграда люди убеждали друг друга в том, что блокада будет прорвана и город спасут. Они не имели к этому никаких реальных оснований, это был вопрос надежды, веры. Но это помогало. Есть ситуации, когда это непременно нужно.

Сила идеи

- И как вы видите сегодняшнюю роль русского писателя? Как ни крути, человек, писавший, что ему "хотелось бы будущего", от вас ждет по этому поводу слов больше, чем от президента...

- Наша литература никогда не отвечала ни на какие такие вопросы. Она их задавала. Что такое "Тамань"? Это вопрос. Зачем мне, офицеру, едущему по казенной надобности, вмешиваться в эту историю? Вот чем кончается "Та-

мань". Что такое "Станционный смотритель"? Почему он умер, если его дочь счастлива? А что такое "Евгений Онегин"? Это мужественное признание писателя в том, что вот этого он не знает. Не понимает... А "Преступление и наказание"? Это совершенно удивительный вопрос, который задает читателю Достоевский: я не знаю, почему Раскольников убил старуху. Он - жертва идеи. Но как от нее избавиться, если он не в силах раскаяться по-настоящему...

- Но Раскольников же раскаивается в финале!

- То, что Достоевский написал под конец, - это все липа, труха. На самом деле он не может вывести себя из-под ее власти, он приговорен к ней, и при этом он не раб... Вот в этом гениальность Достоевского - и абсолютная трагедия нашей истории. Мы не можем отказаться от идеи, если она в нас "засела".

Сила слова...

- Сейчас много говорят о свободе слова. Мол, власть зажимает последнюю свободу...

- Понимаете, чтобы ценить свободу слова, власть должна хотеть говорить с людьми. А у нас в этом смысле непробиваемая стена. Почему в какой-то Франции или Америке президент выступает перед страной каждую неделю? Потому что он думает о том, что бы дать смысл жизни нации. Озвучить какую-то идею. Идею реальности американской мечты. Идею швейцарской стабильности. Идею немецкой силы. А у меня такое ощущение, что мною правит и будет править какой-то Абрамович или Березовский. Они что-то такое знают, какие-то творят дела, что я их вижу чаще по телевизору, чем президента... Нашей власти свобода слова не нужна, потому что она хочет молчать. В результате невозможное ощущение - жить, не зная, куда мы движемся. Пусть власть выйдет и признается: да, мы не знаем чего-то. Но мы хотим понять. Люди, посоветуйте нам.

- С вашей точки зрения, власть можно учить?

- Я знаю, что власть всегда глупее народа. Но она не должна быть настолько глупой, чтобы не считаться с народом и не слушать его.

Сила духа...

- Кем вы сегодня, сейчас продолжаете искренне восхищаться?

- Сахаров и Лихачев. Они были для меня людьми, умевшими жить по самым высоким законам... Помню поразивший меня эпизод с Сахаровым. Когда на первом съезде народных депутатов произошла эта безобразная сцена с вытравливанием его со сцены, я - тоже депутат - в перерыве подошел к Саха-

рову: "Пойдемте ко мне в гостиницу". Он: "С чего это вдруг?" Я объясняю, что у меня номер в гостинице "Россия", близко, можно отдохнуть после такого: "Вы же разнервничались!" Он в ответ: "Ничего подобного!"... И вот тут я вдруг понял, что Сахаров всю эту ситуацию воспринял совершенно иначе: не как обструкцию. Для него неизмеримо выше была уверенность в необходимости

Ельцин. Я должен был хлопнуть дверью, выйти публично, сказав: "Больше не желаю поддерживать своим именем вашу политику", - но я не делал этого... Почему? Я сам себя об этом спрашиваю и понимаю, что искушение было сильно...

- А у вас вообще вызывает внутренний протест классическое утверждение "человек слаб"?

- Да, человек слаб. Но человек и очень силен. Человек глупый бесконечно - и бесконечно мудрый: мы ведь на каждом шагу являемся свидетелями какого-то поразительно ума, воли и настойчивости... Смотрите: мы должны были проиграть эту войну. Немцы были хорошо вооружены, у них была опытная армия... Почему же мы ее выиграли? Потому что с нами было чувство огромной справедливости дела. На нас напали, и это было totally несправедливо. Нас хотели завоевать, а мы защищали себя, свой народ... Во многих случаях вот это ощущение внутренней справедливости отсутствует. А отсюда и слабость...

...поступка

- Что вы записываете себе в записные книжки?

- Могу просто процитировать. Это, правда, уже довольно старая книжка... Так... "В День Красной Армии собрал командующий корпусом всех ветеранов-офицеров, устроил им прием. Спрашивает: "Как жизнь идет?" Тут встает Герой Советского Союза: "Что за жизнь может быть, если я - ветеран - с голой задницей хожу?" - "Как это понять?" - спрашивает командующий. "А прикрыть жопу нечем, трусов нет"... "Начальника

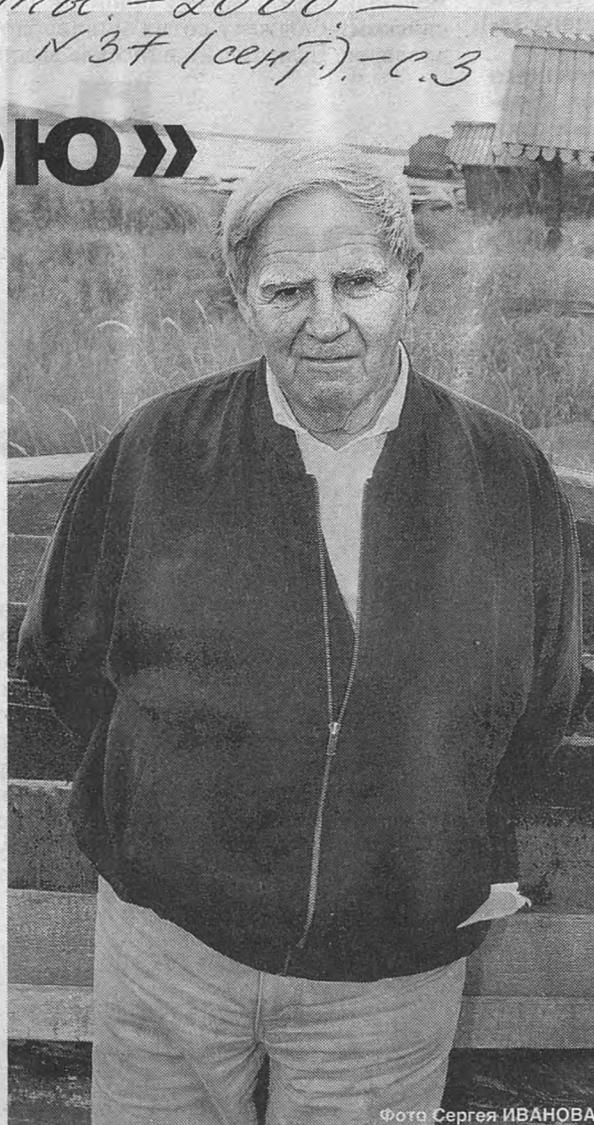

Фото Сергея ИВАНОВА

Военторга сюда! - приказывает командующий. - В течение трех суток обеспечить всех ветеранов трусами!"... Вот это был настоящий праздник!"

- Скажите, Даниил Александрович, чем вы себя утешаете, когда вам трудно?

- Вспоминаю один свой разговор с Дмитрием Лихачевым, в котором я высказывал очень пессимистические вещи о нашей жизни. Лихачев, выслушав меня, сказал: "Вы заставили меня подумать о том, что самое пессимистическое учение - это марксизм. Потому что он считает, что бытие определяет сознание. Что материя первична, а сознание - вторично. То есть все predetermined бытием и без помощи материи сознание ничего не может поделать. Это марксистский пессимизм. Не будьте марксистом"... Я это часто вспоминаю. Вообще я себя утешаю очень простыми вещами. Тем, что я уцелел на войне. Тем, что жизнь моя после войны - это большое бесплатное приложение... Утешаю себя тем, что, слава Богу, для своего возраста я достаточно здоров, работоспособен и могу что-то помнить... Вообще тем, что существует этот прекрасный божий мир, которому плевать на нас, на все наши беды и который так прекрасен, что грех жаловаться на то, что наша маленькая жизнь не удалась...

- Как вы оцениваете сегодня период своего хождения в депутаты?

- Я не жалею об этом поступке, потому что это было совершенно искренне. Но сегодня для меня этот путь закрыт, просто потому, что я считаю, что всем должны заниматься профессионалы. Профессионалы-политики, профессионалы-депутаты, профессионалы-менеджеры, а не писатели и художники...

- Вы долгое время входили в президентский совет. Скажите, работая там, вы чувствовали, что способны лично на что-то повлиять?

- Лишь на какие-то небольшие вещи. Сейчас я думаю, что слишком часто занимался общественной работой, хотя мне это все было неинтересно и даже претило, хотя я понимал, что впустую трачу свою жизнь... Что-то было, видимо, лестное в моей принадлежности к власти, я все-таки был долгое время членом президентского совета... Меня часто возмущало то, что делал